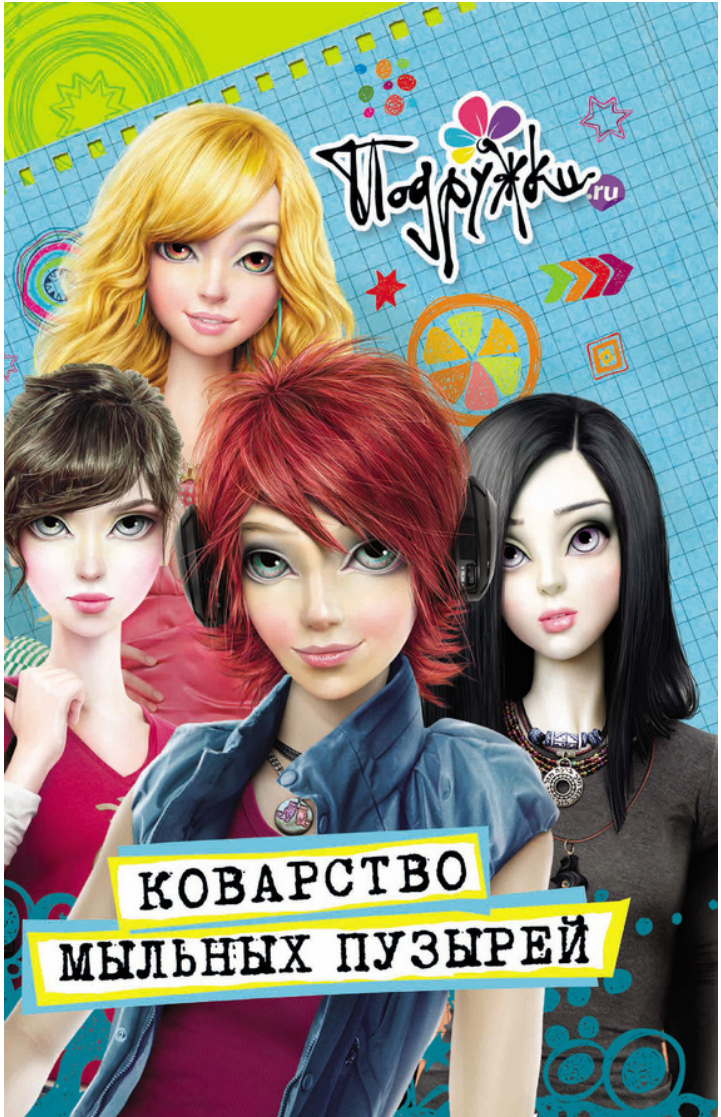
Подружки
.ru
КОВАРСТВО
МЫЛЬНЫХ ПУЗЫРЕЙ

Наталья Аверкиева

Коварство мыльных пузырей

Серия «Подружки.ru»

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6194256
Н. Аверкиева «Коварство мыльных пузырей», серия «Подружки.ru».
Для среднего школьного возраста: РОСМЭН-ПРЕСС; Москва; 2011
ISBN 978-5-353-05332-3

Аннотация

Каждая девчонка мечтает, что однажды в ее размеренную жизнь придет настоящий принц (спортсмен, красавец, любимец публики), у которого есть все: слава, белый конь и даже корона, сияющая так ярко, что хочется зажмуриться. Вообще-то я не та девушка, за которой парни выстраиваются в очередь, поэтому, когда в моей жизни появился принц и начал за мной ухаживать, я даже как-то растерялась. Ради него я изменилась, стала следить за собой, сменила удобные кроссовки на шпильки, а джинсы – на короткую юбку. Только друзья почему-то не оценили, да и я чувствую себя не прежней гордой птицей Сокол, а какой-то глупой курицей. Может, это со временем пройдет? Или это знак, что нужно вернуть прежнюю Ярославу?

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 16
Глава 3 31
Глава 4 44
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Наталья Аверкиева
Коварство мыльных пузырей
Про Ярика

Жизнь, любовь и безделушки

Глава 1

– Да что у вас здесь творится?!
– Ты что, не видишь? Творится любовь…[1]

Мне оставалось до верха от силы метра полтора. Позади – пропасть. Вверху – победа над собой и собственными страхами. Я преодолею себя, справлюсь с боязнью высоты, со слабостью в руках и вскарабкаюсь на вершину. Я смогу. Пальцы в тальк, чтобы не скользили по гладкому камню. Еще рывок. Покрепче ухватиться за небольшой выступ. Нога на захват. Опля! Давай, Птица, держись! Под тобой двенадцать метров пустоты. Вот так. Держись. Молодец. Смотри внимательнее. Так, где тут у нас зацеп? Кисть встряхнуть. Слабые руки. Надо поработать с эспандером. Не вытягиваю я… Нога… Рука… Рывок… Ух! Аааaа! Мама!!!

Мгновение пустоты и свободного падения.

Сердце ухнуло вниз. В груди все оборвалось. Адреналин ударил в нос. Чтоб тебя!

Страховочная веревка натянулась. Швах плечом об стену! Черт! Бумс спиной! О-о-о-о! Как же развернуться?

– Ярослава, ногами упирайся, ногами! – орали снизу.

---

[1] Здесь и далее в качестве эпиграфов используются цитаты из полнометражного аниме-фильма «Унесенные призраками» (Sen to Chihiro no kamikakushi). Режиссер Хаяо Миядзаки.

Да я-то стараюсь! Только как тут найти, куда ногами упираться, если мир перед глазами танцует?!

Меня осторожно опустили на землю.

– Молодец, – похлопал меня по плечу Денис. – Отлично справилась. До того места и профи не всегда доходят.

– С таким инструктором, как ты, – тут же польстила я мужчине, отстегивая страховку. – Может, еще раз?

– Не, Яр, давай в другой раз. Отдыхай, – кивнул Денис и направился к другим ребятам.

Честно говоря, я и сама решила, что на сегодня хватит. Руки устали. Значит, так: мое слабое место – руки, потому что пальцы не удержали, а у самурая все должно быть надежным. То есть над этим надо поработать.

– Привет, – топтался передо мной парень. – Круто лазишь. Давно тренируешься?

– Второй час. А что? – посмотрела я на него с подозрением.

– Нет, я имел в виду не сегодня, а вообще.

– А, ты про это… Неделю, наверное…

– Ух ты! Солидно, – уважительно затряс он головой. – Меня Матвей зовут.

– Прикольно. Ярослава, – протянула я руку.

– Чем занимаешься? – Он пожал ее.

– Когда чем. А ты?

– Так же, – рассмеялся Матвей. – Подстрахуешь?

– Валяй.

– А я тебя потом кофе угощу, если ты не против.

– Заметано.

Матвей не сунулся на сложную трассу. Прошелся по стенду почти доверху, потом смело прыгнул вниз и плавно приземлился.

– Вечный кайф! – воскликнул радостно.

– Ты бы знал, как страшно вниз смотреть. А если представить, что под тобой обрыв и ты висишь на краю мира, то вообще…

– Ага, – перебил парень. – Надо летом в горах полазить. Сейчас за зиму научиться, а потом в Крым рвануть!

– Да-да, – поддержала я его. – И на скалы! А на закате заниматься на самой вершине йогой и петь мантры.

– Нет, мантры – это нудно. Лучше песни под гитару.

– Ты у меня одна? – улыбнулась я.

– …Словно в ночи луна… – пропел он.

– …Там за туманами…

– …Дальними странами!

Мы рассмеялись. Глаза у Матвея были лучистые, светло-голубые в темно-серую крапинку. Когда он улыбался, на щеках появлялись ямочки, от чего лицо становилось добрым и солнечным. Он провел руками по коротким волосам, взбивая их, и галантно указал жестом на выход.

– А ты чем занимаешься? – спросил он после того, как в кафе мы заказали латте с кленовым сиропом.

Я пожала плечами:

– Всем по чуть-чуть. Днем учусь в школе…

– Надеюсь, в старших классах? – прищурился Матвей.

– А для тебя это так важно? – ухмыльнулась я.

– Конечно! Встречаться с малолеткой как-то стремно.

– Фига себе! А с чего ты решил, что я буду с тобой встречаться?

– Ну как с чего? Мы же уже познакомились, я пригласил тебя в кафе на свидание, стало быть… Никакой высшей математики.

– То есть ты ко мне у стенда пошло клеился? – захохотала я.

– Слушай, а как я должен был к тебе еще клеиться? Только так. Ты же отказалась падать со стены, поэтому я не смог совершить подвиг. Следовательно, пришлось брать тебя по-другому.

– И как же? – Я почувствовала, как внутри все заклокотало от какой-то идиотской веселой злобы.

– Пусть это останется моим маленьким секретом, – состроил он невинную мордочку, и я растаяла.

– А если у меня есть парень и поэтому я ни с кем не знакомлюсь?

Что? Получил? Держи последнюю модель губозакатывательной машинки!

– Еще скажи: «Я не буду есть мороженое, у меня дома пельмени!» – вальяжно развалился Матвей на стуле. – Парень не стена, пну, он и подвинется.

– А если я буду против?

– Вот ты заладила: «Если, если…» Если бы да кабы, во рту выросли грибы.

Я обиженно заткнулась.

– Так, продолжаем разговор. Мы остановились на школе. А чем ты занимаешься после школы?

– Хожу на японское фехтование, – насуплено сообщила я. – И еще йогой начала заниматься. Только у меня на нее времени нет, и мне скучно.

Матвей вдруг подпрыгнул и стукнул себя ладонью по лбу:

– Ну точно! А я все гадаю, где такие гибкие и сильные девчонки берутся. Японское фехтование – это бои на мечах?

– На боккенах, катанах…

– Все-все-все, не продолжай! Я уже понял, – замахал он руками.

– Ну, если ты такой догадливый и все про меня знаешь, то давай поговорим о тебе. Ты кто? Откуда? Чем занимаешься?

– Матвей Ветров, лучший форвард по итогам прошлого года в нашей сборной по хоккею, – явно с удовольствием сообщил он.

Я окинула его пристальным взглядом.

– Юношеской сборной, – зачем-то уточнил Матвей. – А то ты сейчас напридумываешь… Мы в прошлом году стали чемпионами мира. Я отличился особенно…

– Пф… – не позволила я ему договорить. – Надо же, сколько пафоса. А я футбол люблю.

– А я скорость.

– А у меня есть подруга, она тоже скорость любит. Она на мотоциклах хочет научиться кататься.

– Нет, у меня с чувством самосохранения все в порядке, поэтому юные самоубийцы – это не ко мне.

– Думаешь, у меня самосохранение работает?

– А то! Если б у тебя его не было, ты б полезла на стенд без страховки, навернулась с верха и обязательно бы сломала шею.

– Да ты оракул.

– Я реалист.

– Какие слова мы знаем.

– Ты мне нравишься, Ярослава. Предлагаю обменяться телефонами.

– Угу, может, тебе еще дать мой имейл, страничку вконтакте и ссылку на сайт?

– Вот любишь ты все усложнять. Нет, не умоляй меня, я не возьму все это. Обойдемся просто номером твоего телефона.

– Прикольно. Я тебе сейчас дам номер своего телефона, а вдруг ты какой-нибудь маньяк окажешься?

– И обязательно стану названивать тебе среди ночи и дышать в трубку. Не ломайся. Я не люблю долго уговаривать.

– А ты наглый.

– Я настойчивый, – скромно повел он плечом, и мы опять рассмеялись.

Я продиктовала Матвею номер. Он при мне записал его в

телефон, тут же мне позвонил и сбросил вызов.

– Смотри-ка, не обманула, – удивился.

– А должна была? – кокетливо приподняла я бровь.

– От рыжей девушки с кошачьими глазами можно ожидать любой подставы.

– Типа комплимент мне сделал? – хохотнула я.

– Типа нельзя?

– А ты типа не типкай.

– А ты типкай да не типкай типа, – передразнил меня Матвей высоким противным голосочком. – Кстати, это мой номер. И не говори, что я тебе ни разу не звонил.

Я закатила глаза, кое-как сдерживая хохот.

– Пойдешь со мной на хоккей?

– Когда?

– В субботу. У нас отборочные матчи начались.

– Вечером?

– Я бы сказал, все-таки днем.

– Днем не могу, у меня занятия с собакой, а вечером тренировка в школе.

– Слушай, ну я же лучше собаки.

– Ой, не факт.

– Вот и проверим. Короче, в субботу ничего не планируй. Ты идешь на хоккей.

– Погоди, что я там делать буду? Там же одни мужики!

– А говорила, что футбол любишь…

– И какая тут связь?

– У тебя есть два дня, чтобы подумать, какая тут связь. Все, дорогая, труба зовет, я ушел.

Матвей стремительно поднялся, кинул на стол пятьсот рублей, поцеловал меня в щеку и унесся. Я ошалело смотрела ему вслед, не понимая, как реагировать. Хм… Прикольный чувак.

По улице я шла с глупой улыбкой от уха до уха. Кажется, она озаряла мне путь не хуже какого-нибудь фонаря. Даже прохожие улыбались в ответ, а какой-то дядька так и сказал, что, мол, такой красавице, как мне, всегда надо ходить с такой улыбой на пол-лица.

Дома я подхватила Лорда и Ферри, и мы пошли месить грязь под радостные тявканья пекинеса и прыжки кери-блютерьера. Из головы никак не шел Матвей. Надо будет его «погуглить», как говорит Женька, моя лучшая подружка. Интересно, с парнями я на «ты», совершенно не парюсь от их наличия или отсутствия вокруг себя. А тут вот… Знаете, тут вот коленки как-то волшебным образом трясутся. Матвей очень симпатичный. У него светло-русые вихрастые волосы и удивительные глаза. Он какой-то весь позитивный. Все время улыбался, шутил, смеялся. Вроде бы мы с ним кофе пили всего минут двадцать, а я уже чувствую, что он мой. Такое бывает. Видишь человека в первый раз, а он тебе уже как будто родной брат. Варька, это моя вторая лучшая подружка, говорит, что это все от переселения душ зависит. Вот якобы ты в прошлой жизни с этим человеком дружил, а

в этой жизни просто его нашел. Бред, конечно. Но что-то в этом однозначно есть.

– Привет! Замерзла?

Ахмед чмокнул меня в щечку. Мартин с ходу налетел на Феррика, напугав щенка. Лорд огрызнулся на противного подвижного добермана и снова принялся медитировать около лужи. Лужи – это личный фетиш Лорда. Да-да, если верить теории Варьки о переселении душ, то в прошлой жизни мой пекинес обязан был быть бегемотом, потому что обожает лежать в грязи на брюшке.

– Зря ты не пошел со мной, – протянула я ему жвачку. – Сегодня было клево. Я по самой сложной трассе дошла почти до самого верха. Чуть-чуть не хватило, сорвалась.

– Боже! Ты не ударилась? Высоко? – округлил он глаза, закидывая подушечки в рот.

– Не-е-е-е, – засмеялась я. – Я ж на страховке. До двенадцати метров всего метра полтора не дотянула. Плечом только сильно ударилась. Надо будет помазать мазью от ушибов. А инструктор такой типа: «Тебя где, Ярослава, так учили лазить? Техника хромает, ноги ставишь неверно, но идешь хорошо». А там, оказывается, надо правильно вставать на кончики пальцев и опираться, ну еще с центром тяжести играть…

– Хорошо, что я с тобой не пошел, – смутился Ахмед. – Я бы там точно мог лазить только по детской стене. Или в кафе бы посидел.

Нет, Ахмед, очень плохо, что ты не пошел. Там твою девушку на хоккей пригласили.

– Слушай, а ты что в субботу делаешь? – жалобно посмотрела я ему в глаза. Идея, конечно, так себе, но стоит попробовать. В конце концов, я же предупреждала Матвея, что у меня парень есть.

– Суббота… Суббота… – Ахмед, прищурившись, посмотрел на луну, и я снова захихикала.

– Лунные циклы, что ли, высчитываешь?

– Нет, – отмахнулся он. – В субботу у меня конференция. Я должен пойти от нашей группы.

– А может, не пойдешь? – подергала я его за рукав, состроив жалобную рожицу.

– Я выступаю, – улыбнулся Ахмед. – Хочешь, пойдем со мной.

– Подумаю, – насупилась я.

Что делать? С Матвеем будет однозначно интереснее, но он мне никто, а с Ахмедом жутко скучно, но он мой парень.

– Яра, не делай такое лицо. Тебе не идет, – захохотал он.

– Обхохочешься, – проворчала я, отворачиваясь.

Ахмед обхватил меня за плечи и прижал к себе, дотрагиваясь щекой до моей щеки.

– Я же знаю, что тебе не нравятся мои конференции и семинары, так что можешь не думать.

– Там очень скучно, и я ничего не понимаю. Но если ты хочешь, чтобы я тебя поддержала…

– Лучше сходим после твоей тренировки в кафе.

– Да, но она полдевятого заканчивается.

– Не проблема. Или боишься, что мама не отпустит? – пихнул он меня в бок локтем и снова засмеялся.

Я обиженно засопела, а потом захихикала – уж больно Ахмед заразительно смеется. Вот только… А что? Днем на хоккей с Матвеем, потом на тренировку, а вечером в кафе с Ахмедом. Ай да Ярик, ай да гений!

Глава 2

– Твое имя Тихиро?

– Да.

– Больно длинное. Теперь тебя будут звать Сэн, поняла?

– Девчонки, все пропало! – рухнула я на стул в классе.

– Интернет подорожал? – оторвалась Точка от ноута.

– Там пошел дождь, а я в белых брюках! – замерла Настя с помадой в руке.

– У тебя плохой гороскоп? – расширила глаза Варя, аккуратно откладывая в сторону иголку с нанизанным на нее бисером.

– Я даже знаю, почему он плохой, – ухмыльнулась Волоточина. – Анна Петровна очень интересовалась на первом уроке, куда ты пропала.

– Да ну ее, – отмахнулась я. – Информатику все равно отменили, а литературу я еще не готовила.

– А мы «Грозу» по ролям читали, – улыбнулась Варя. – Я была Катериной.

Женька снова уткнулась в ноут, Настя принялась мазать губы помадой, а Варя вздохнула и вопросительно глянула на меня:

– Ну, так что у тебя пропало?

– Я познакомилась с парнем. Ну, точнее, это он со мной познакомился.

– Да ну! – ахнула Настя.

– Ну да! – закивала я. – И он пригласил меня на свидание.

– И ты пойдешь? – округлила глаза Козарева.

– А Ахмед? – нахмурилась Варя.

– Ха, может, он маньяк какой-нибудь! – тут же напряглась Женя.

– Ой, Точка, вечно тебе всякие недоразумения мерещатся. Эх, хоть бы на самого маленького маньяка одним глазочком взглянуть…

Девчонки засмеялись, а Женька побагровела и демонстративно отвернулась.

– Я, кстати, предлагала пообщаться с твоим маньяком. Ты ж громче всех развыступалась, что не надо этого делать. А этого я «погуглила», как ты учила. В общем, звать мальчика Матвей Ветров.

Точка тут же набрала что-то в поисковике.

– Он лучший форвард по итогам прошлого года, – продолжала я. – Молодой и очень перспективный. Все журналисты пищат от восторга и говорят, что у парня великое будущее, сравнивают с Борисом Михайловым и чуть ли не предсказывают затмение самого!

– То есть затмение? – не поняла Козарева. – Лунное?

– Короче, все как один считают, что он круче Бориса Михайлова.

– А кто это? – в один голос испуганно спросили Настя и Варя.

– Да вы что! – возмутилась я. – Он играл в сборной СССР, в ЦСКА. Реально великий игрок и нападающий.

– Для шестнадцати лет не самые худшие достижения, – задумчиво протянула Женя.

– Какой хорошенький! – всплеснула руками Варя, рассматривая его фотографии.

– Покажите мне! – тут же отобрала ноут у подруг Настя. – А что… Ничего… Я б с таким в кино сходила.

– Ну-ну, – осуждающе глянула на нее Женька.

– А как же Ахмед? Ты его решила бросить? – прошептала Варя.

– Нет, – дернула я плечом нервно.

– Странно, я всегда считала, что это Настя у нас легкомысленная… – хмыкнула Женя.

– Да что они там зарабатывают, эти ученые? – мечтательно закатила глаза Настя. – Вот хоккеисты – это да… Канада… США… НХЛ… Даже я знаю, что хоккей круче. Ну, только, конечно, если твой Ахмед когда-нибудь Нобелевскую премию не получит. Тогда он будет гораздо крутее.

– Нда, а Настя у нас, оказывается, меркантильная. – Волоточина подперла рукой голову и начала открывать ссылки на статьи о Матвее.

– Жень, ну что ты все бубнишь и бубнишь. Просто… Просто… – Я осеклась, не зная, как сформулировать мысль. –

Понимаете, они мне оба нравятся. Ахмед умный и внимательный, а Матвей он такой… такой…

– Перспективный! – припечатала Настя.

– А как же любовь? – надула губки Варя. – Птица, Ахмед же тебя любит.

– Любит… любит… Это ты считаешь, что он меня любит, а мне он о любви никогда ни разу ни слова не сказал. Не любит он меня.

Настя открыла рот, чтобы возразить, но прозвенел звонок. Я быстро кинула на парту учебник и тетрадь. Включила плеер и протянула Варьке капельку наушника. Сегодня мы слушаем сборник Гакта. Надо приучать Варьку к хорошей японской музыке, а то со своим увлечением скоро вообще ничего слушать не будет. Варя прикрыла глаза и потащи-и-и-илась. Этот урок литературы обещает быть шикарным.

– А где ты его подцепила? – спросила Женька на большой перемене, кроша круассан в блюдечко. Она всегда так делает, когда нервничает. Сама того не замечая.

– Вчера на скалодроме.

– А тебе он почему понравился? Перспективный потому что? – хмурилась Варя. Кажется, ей мой новый друг пришелся явно не по душе. – А кто он по знаку зодиака? Надо еще карты на него разложить.

– Ой, Варь, расслабься, – отмахнулась я.

– Нет, ну ты пойми, у тебя сейчас очень серьезный выбор, – затянула она важно. – Есть парень, который любит те-

бя, и есть ты, которая втюрилась в другого парня…

– Я не втюрилась!

– Втюрилась! Ты про него весь день стрекочешь!

– Стоп, ругань! – развела нас по разным углам Женя. – Это ее решение, и Ахмед не имеет никакого права принуждать Птицу поддерживать отношения.

– Да что вы заладили! – вспылила я. – Никто никого не бросил! Никто никого ни к чему не принуждает! Что я, в конце концов, не могу на хоккей сходить? Все равно Ахмед идет на свою научную конференцию, а я что, дома должна сидеть? Он по своим делам, я – по своим, так и хорошо…

– Угу, так и начинают рушиться отношения, – фыркнула Настя.

Варя многозначительно закивала.

– Не давите на нее, – рыкнула Женя. – Все правильно она делает. В наш век у женщины должны быть свои, – сделала она упор, – интересы. Не все должно замыкаться на мужчинах.

– Ты просто ей завидуешь, – ухмыльнулась Варька.

Ох, зря она это…

– Давайте поговорим на другую тему, – радостно перебила я всех. – Настя, как поживает твой Сережа?

Настя глупо захлопала ресничками и, малость опешив, пробормотала:

– Нормально… Только вчера с ним гулять ходили. А это ты к чему?

Вот блондинка!

Я думала весь день, что же мне делать и как с этим жить. А еще меня волновало, как подруги отнесутся к моей «ветрености», как обозвалась Варя. А что я могу поделать? С Ахмедом мне интересно, но мы даже не целовались ни разу. Он всегда держится на расстоянии, максимум, который он может себе позволить, – это потискать меня немного по-дружески и чмокнуть в щеку. Значит, я ему не интересна как девушка? Хотя, если Ахмед захочет меня поцеловать, а я не умею, то что тогда делать? Ох, как трудно быть девушкой. А Матвей… Он такой живой, такой компанейский, такой легкий. И он мне нравится. Ахмед тоже нравится. Но Матвей он такой, а Ахмед другой. Ну вот! Я уже и запуталась.

Всю дорогу из школы мы слушали Варькины радостные разговоры о том, какие стихи ей прислал Поэт в виде эсэмэс. Женька, правда, высказалась, что стихи по телефону – это верх бестактности (я не поняла почему), Настя обрадовалась и даже сказала, что эти чудесные стихи можно переложить на музыку и тогда Сережа сможет ее сыграть в своей группе. Сережа у Насти учится в музыкальном училище, а по вечерам пропадает или на репетициях в своей группе, или готовится к концертам. Совсем как мой Ахмед. Тот тоже вечно или на занятиях, или в библиотеке, или на научных конференциях. Не, я могу ходить с ним, и даже пару раз ходила, но ничего не могу с собой поделать – там так невыносимо скучно, что я постоянно зеваю и хочу спать. Да и все эти ум-

ные разговоры на непонятные мне темы… С Ахмедом лучше встречаться отдельно от науки.

– Привет, Ярослава! – сказала мне трубка голосом Матвея так громко, что я невольно прикрыла ее рукой, чтобы девчонки не слышали.

– Привет, – буркнула едва слышно.

Девочки тут же переключились на меня. Все трое. И даже Поэт их перестал интересовать.

– Ты чем сегодня занята?

– Э-э-э-э… – растерянно протянула я, судорожно соображая, какие дела можно отменить.

– Да особо ничем. А что?

Подруги окружили меня со всех сторон и чуть ли не вплотную прилипли к моей трубке.

– Тогда приезжай в «Лужу». Мы там тренируемся. А потом погуляем.

– Ну я не знаю, – прогнусавила я.

– Жду в четыре у центрального входа. И не опаздывай.

Я ошарашенно посмотрела на часы. Время полтретьего. Мамочки!!! Я же уже опаздываю!!!

– И ты пойдешь? – с осуждением спросила Варя.

– Как ты можешь? – вздернула носик Настя.

– Лети, Птица! – подтолкнула меня в сторону дома Женька. – И не смейте ей мешать!

Я сломя голову кинулась домой. Из прихожей, не обращая внимания на радость собак по поводу своего появле-

ния, закинула сумку в комнату, одежду стягивала уже на ходу. Быстро приняла душ, чесанула влажные волосы. Где моя футболка? Нет! Футболка не пойдет… Толстовка? Да, толстовка… Или свитер? Мамочки, что же мне надеть? Джинсы… Какие? Где хотя бы одни чистые штаны? Черт возьми, где хотя бы два одинаковых носка? Ну почему эти дурацкие носки никогда не выживают парами? И даже если купить десять совершенно одинаковых пар, они все равно разбредутся по квартире так, словно никогда не были знакомы друг с другом.

Я выгребла все из шкафа к ногам и принялась рыться в вещах. Вот почему так всегда – сначала нечего надеть, а потом (принялась тщательно запихивать шмотки на полки) ничего не влезает. Ага… Вроде бы вот так должно быть хорошо. Джинсы-трубы, водолазка и свитер. Вдруг там будет холодно? Шапка. Куртка. Кроссовки. Сорок минут осталось. Успею? Эх, мне бы только до метро добежать. Стоп! Стой, Птица. Если я буду бежать, то вспотею и от меня будет пахнуть явно не фиалками. Надо пшикнуться. И следующие минут десять я носилась по квартире в поисках антиперспиранта мамы. Нету. Пришлось воспользоваться Славкиным. Вроде бы не пахнет… Все, полетели.

В одну минуту пятого я подбежала к центральному входу. Матвей стоял в компании каких-то ребят с огромными сумками и пары девчонок. И он не обратил на меня никакого внимания. Не поприветствовал. Не улыбнулся. Я нереши-

тельно топталась в сторонке, пытаясь понять, как дать ему знак, что я пришла.

– Пацан, тебе чего? – глянул на меня один из парней.

– Меня Матвей позвал, – глупо ляпнула я.

– Мотня, к тебе поклонники! – заржали ребята.

Он обернулся и только тут, видимо, понял, что это я.

– Ой, Ярик, здорово! Богатой будешь, – заулыбался он, окидывая меня несколько удивленным взглядом. – Иди сюда. Знакомьтесь. Это Ярослава.

– Че, телка, что ли? – пробасил один, самый прыщавый.

– Серега, Стас, Леха, Миха, Вольдемар, – быстро показывал он рукой на ребят. – А это Оливка и Лапа.

Девочки доброжелательно улыбнулись и кивнули мне. Как-то вот неуютно. Обе хорошенькие, очень симпатичные и одеты так… как Настя.

– Оля, – поправила сумочку на плече одна.

– Юля, – улыбнулась другая, в стильных очках.

– Ярослава, – попыталась я выдавить улыбку.

Встала чуть в сторонке. Мало ли что.

– Ну и где этот урюк? – недовольно проворчал прыщавый. Кажется, Миха. – Сказали же, в четыре ровно.

– Ребят, пойдемте в помещение, холодно, – канючила Юля.

– Ну, сейчас он придет, – отмахнулись от нее.

– Он дорогу, что ли, не знает? – фыркнула Оля.

Я стояла молча. Интересно выходит. А что это за девочки

и чего они тут делают? И вообще, зачем меня сюда притащили? И почему Матвей себя так ведет?

– Все, мужики, семеро одного не ждут! – скомандовал мой прекрасный принц, подхватил сумку и пошел к дверям.

Девочки посеменили за ним. Ребята вразвалочку тоже пошли за форвардом. Я сначала постояла, посмотрела на удаляющиеся спины, а потом поплелась за толпой. Странно все это. Сам по звал, сам внимания не обращает. Надо будет попросить Варьку погадать на него. Не понимаю, что ему надо.

Они шли по длинным и витиеватым коридорам, как выяснилось, в раздевалку. Потом девочки остались в коридоре, а ребята зашли в какую-то дверь.

– Ты давно с Мотей тусишь? – обернулась ко мне Юля.

Гы, очень смешной вопрос. Я его второй раз вижу.

– Ну так… – ответила я уклончиво. – Смотря что называть «давно».

– Понятно, – чему-то своему покачала головой Оля, и они с Юлей потеряли ко мне всякий интерес.

Минут через десять девушки вдруг двинулись прямо по коридору. Я опять осталась стоять на месте, не зная, как поступить, – то ли следовать за ними, то ли стоять под дверью. Решила, что лучше идти за ними. Пришлось догонять…

– Пошли в подтрибунное, там лучше видно, – поманила меня Оля куда-то.

– Нет, Оливка, выгонят нас оттуда. Нельзя же. Идем наверх, может быть, не заметят, – потянула ее за руку подруга.

– Погоди, – высвободилась она. – Ярослава, а ты чего пришла-то?

– В смысле? – насторожилась я.

– Ну, ты пришла на тренировку посмотреть или слюни попускать?

– Чего-о-о? – прищурилась я с еще большим подозрением.

– Не понимаешь? Я спрашиваю – ты хочешь тренировку посмотреть или ты фанатка?

– А в чем разница?

Юля закатила глаза и принялась мне объяснять как какому-нибудь дауну:

– Подтрибунное помещение – это что-то типа VIP-зоны. Там только игрокам, тренерам и кому-то своим разрешено находиться. Там хорошо видно, как ребята катаются.

– Не, я это… – непроизвольно замахала я рукой. – Хотела посмотреть на тренировку и вообще…

Оля ухмыльнулась:

– Если вообще, то идем наверх. Там безопаснее.

– А почему? – тупила я.

– Ну потому, что нельзя присутствовать на закрытых тренировках, – кажется, начала злиться Юля.

И мы уселись на самый дальний ряд. На лед вышли игроки. С высоты нашего птичьего сидения они очень напоминали ягодки рябины на городском снегу. Чего-то даже не хочется спрашивать, кто из них Матвей.

На трибунах было прохладно. Юля с Олей что-то обсуж-

дали свое, женское, я в дискуссии участия не принимала, наблюдала, как народ гоняет по льду туда-сюда маленькую шайбочку. Если бы девочки хотя бы объяснили, что и как, возможно, мне не было бы так тоскливо. А так я могла думать только о замерзших ногах, холодном носе и задубевших руках. Интересно, когда же это все закончится? Главное, не начать зевать. У Ахмеда на конференциях, может, и не так интересно, зато гарантированно теплее. А потом я выпью самую большую чашку кофе, какую только продают в том кафе, куда мы пойдем с Матвеем. Просто ужасно холодно. Я подняла воротник свитера. Уши замерзли…

Мы ждали ребят в фойе, сидя на лавочке. Оля и Юля спорили, выиграют ли «наши» ближайшую игру. Произносили какие-то умные слова и ни о чем не говорящие мне фамилии. А я мечтала о горячем напитке. Сбитень, чай, какао – меня бы что угодно устроило. Эх, так хочется самой выйти на лед и прокатиться пару кругов, чтобы согреться. Кстати, надо будет вытащить девчонок на каток, а то совсем зачахнут без физкультуры.

– А вы вообще с кем? – решила спросить я у девушек.

А то вдруг они обе с Матвеем, а меня ему чисто для компании не хватало.

– Да мы вообще с мальчишками, – призналась Юля.

– Мы хоккей любим, – заулыбалась Оля.

Я вздохнула. Фанатки.

– А я футбол, – призналась честно.

– О, футбол это тоже здорово, – поддержала меня Оливка.

– А почему Оливка? – не удержалась я. – Почему Матвей вас так назвал?

– Оливка от Оли, созвучно, – одарила она меня мягким взглядом. – А Лапа, ну…

– Ну, это что-то типа «миленькая». Ой, какая лапа! А ты, судя по всему, тот самый Ясень, про которого говорил вчера Матвей.

– Почему Ясень? – чуть не подавилась я жвачкой.

– Ну, Ярослава. Сокращенно Яся. Значит, Ясень.

Ольга рассмеялась, а я надулась.

– Логика тут у некоторых на грани фантастики.

– Мотька любит всем клички давать, – расшифровала смех подруги Юля. – Но они у него чаще всего безобидные.

– Ага, и смешные.

– Да, «дуб» было бы уже не так смешно, – фыркнула я.

Мальчишки вышли возбужденные и раскрасневшиеся после душа. В руках опять сумки и клюшки. Я наконец-то выловила взгляд предмета своего обожания. Матвей подошел ко мне, взял под локоток и отвел в сторону.

– Ярослава, мы тут это… В кафе хотели после тренировки, но, сама видишь, вещей много. Ты, может, это… домой?

– Почему домой? – Я сегодня проявляла удивительные чудеса сообразительности.

– Потому что в кафе мы не пойдем. Я сейчас домой поеду, отец звонил. И, ты извини, но я не смогу тебя проводить.

– А меня и не надо провожать. Что я, маленькая, что ли? Сама не дойду?

– Не обижайся, я правду говорю. Мне домой надо. Я б с радостью, но… Давай в субботу погуляем, после матча. Я вещи отцу отдам, и мы с тобой куда-нибудь затусим.

– Хорошо, – улыбнулась я, хотя в груди все неприятно крутило.

– Только у меня просьба будет, – замялся он, старательно отводя глаза в сторону.

– Какая?

– Оденься поприличнее. Я понимаю, что не предупредил тебя заранее, но… Чего-нибудь такое…

– Какое? – приподняла я бровь.

– Ммм… Эээ… – зажестикулировал он. – А то все решат, что я встречаюсь с парнем.

Я рассмеялась:

– Ну, какой же я парень?

– Издалека – вылитый, – припечатал он.

– Хорошо, договорились, – недовольно произнесла я, поджав губы.

Да у меня в шкафу нет ни одной юбки! Даже парадно-выходной! И в чем же мне тогда идти?

– Ладно, я пойду. Мне еще уроки делать. Спасибо за компанию.

– Давай, – махнул он мне рукой.

Я развернулась и быстрым шагом пошла к выходу. Надо

позвонить маме и попросить денег на одежду и новую обувь. Интересно, она сильно меня убьет?

Глава 3

Дойти-то ты дойдешь. Но вопрос – вернешься ли ты?

– Я докажу ему, что могу быть женственной! – бубнила я вчера всю дорогу, путаясь в кетах с одеждой.

Я помню, как Настька меня одела в прошу раз, когда мы ездили к Кириллу в институт. Пом как на меня оборачивались парни на улице. Я сокая, красивая, яркая. У меня красивые глаз отличная спортивная фигура. Мой новый ими скромно висел на вешалке, прибитой к две Я тяжко вздохнула и отправилась умываться. У обещало быть недобрым.

– Ну как?! Как?! Как они это делают? – лобно вопила я, кое-как выпутывая расческу шевелюры. У меня и волос-то – два пера, а равно запутались так, что только ножницы меня спасут от позора. – Ну и что мне делать с этим? – уставилась я на торчащую в волосах расческу, сложив руки на груди.

– Ярослава, хватит ванну занимать! – заорал Слава, мой средний брат, пиная дверь ванной.

– Отстань! – огрызнулась я, предпринимая последнюю робкую попытку избавиться от мерзкой расчески.

– Ярослава! Будь человеком! – колотился Слава.

Я открыла дверь. Брат мухой влетел в помещение и быстро вытолкал меня вон, даже не взглянув на мою катастрофу

на голове. Я решила оккупировать зеркало в коридоре. Если Настька в своих кудрях не путается, то и я смогу.

Минут через десять интенсивной борьбы с расческой последняя сдалась на радость победителя. Я решила, что больше не буду сушить голову феном и круглой расческой, потому что у меня не так много волос, чтобы так над ними издеваться. Остатки былой гордости я взбила руками, обмазанными в геле Ростика, и обильно залила лаком мамы. Н-да… Когда Настя со мной колдовала, я выглядела лучше. Теперь надо накраситься.

Мамина косметичка словно издевалась надо мной – в ней было всего так много, что я не знала, за что хвататься. Так, Настька мазала меня каким-то кремом телесного цвета. Потом пудра. Потом… Стоп! А ведь под глазами она тоже чем-то мазала… Понять бы чем… Кажется, я догадалась, отчего Козарева всегда рыдает, что она слишком рано встает… Ладно, и так сойдет.

– Мамина помада, сапоги старшей сестры? – Слава смотрел на меня так, словно видел впервые.

– Отстань, – буркнула я.

– Ты б это… Яр… – Брат поморщился.

– Что это? – зло прищурилась я.

– Не ходила бы так на улицу.

– Почему? – кокетливо покрутилась я перед ним. – Я же классная?

– Угу, классная… Только окружающие не поймут.

– У меня юбка приличной длины, – с вызовом посмотрела я на него.

– Зато лицо – как ритуальная маска шамана из племени тумба-юмба. Ты ж людей распугаешь.

– Ты мне завидуешь!

Славка захохотал, а я, изящно повернувшись на каблуках, вылетела в тамбур. Еще не хватало, чтобы он мне настроение испортил. Брат называется. С таким братом и врага не надо.

До подъезда Варьки я еле доползла. Мамины сапоги отчаянно жали. У нас с ней один размер, но моя нога немного шире. И то, что дома вызывало легкий дискомфорт, на улице превратилось в огромную проблему. Я едва перебирала ногами по скользкому асфальту, ругая на чем свет стоит эластичные колготы, в которых жутко мерзли ноги, и голову без шапки, которая, казалось, покрылась коркой лаково-гельного льда.

– Птица? – замерла в дверях Варя, вытаращившись на меня так, словно я чудо чудное.

– Так я теперь буду ходить всегда, – гордо выпятила я грудь.

– А может, не надо? – кривилась она.

– Что? – бросила я на нее недовольный взгляд.

– Как-то непривычно… – пробормотала подруга тихо.

– Привыкнете, – сказала как отрезала. – Я должна стать женственной.

– Несколько радикально, тебе не кажется?

– Подруга называется. Вместо того чтобы поддержать и порадоваться за меня, ты вон как…

– Яр, мне нравится, но твой макияж и прическа. Что ты сделала с волосами?

– Зачесала назад и закрепила гелем.

– Но… – Варька смотрела на меня и непроизвольно морщилась. – А зачем?

– Чтобы было красиво.

– А лицо… Оно же вот-вот пойдет трещинами.

– Тебе поговорить не о чем? Я сказала, что теперь буду так ходить всегда. Что непонятного?

Они решили меня довести? Подумаешь, сменила имидж. Зачем так реагировать?

Варя нервно дернула плечом, укуталась в шарф, и мы пошли в школу. Впрочем, пошли – это круто сказано. Через пятнадцать шагов я ухватила ее за руку, и она меня повела.

– Нет, вот объясните мне, как люди ходят на шпильках? – ворчала я.

Варька смотрела на меня снизу вверх и вздыхала.

– Я не люблю каблуки. Они неустойчивые.

– Ты просто ничего не понимаешь в них. Главное, чтобы каблук… А-а-а-а! – Я едва не спланировала в грязную лужу.

Спасибо Варе, что не дала упасть. Выровняв тело в пространстве, я сглотнула и задумалась, а существует ли замена обуви на шпильке. Но с другой стороны… Настя же как-то на них ходит! И весьма успешно, между прочим. Хотелось

плакать. Нет, красота требует жертв.

– Ты это из-за своего спортсмена? – вдруг спросила Варя.

– Я не знаю, Варь. Понимаешь, он меня вчера пригласил… Ну ты слышала… Тренировка, потом в кафе… А сам… Ну… В общем, я пришла, а он как будто со мной не знаком. И… Понимаешь… Мне показалось, что он отшил меня, потому что я оделась неправильно. А я ж оделась, как мне удобно… Ты ж знаешь, что я не люблю все это. – Я показала ей на сапоги, синие коленки и все время задирающуюся юбку.

– Ярик, но ты же сама все понимаешь. Зачем делаешь так, как тебе не нравится?

– Потому что он нравится мне.

– А Ахмед?

– Ахмед тоже нравится. С ним классно гулять с собаками, но мы такие разные. Он любит науку, а я спорт.

– Ну и что?

– Как «ну и что»? Вот вы с Поэтом одинаковые! Ты любишь литературу, и он пишет литературу.

– Слушай, любить литературу и писать книги – это не муж и жена, это четыре разных человека, – смеялась подружка. – А ты, как мне вчера сказали карты, совершаешь ошибку.

– Я не верю в это, ты же знаешь.

– Ох, смотри сама. А хочешь, приводи этого Матвея в «Слона». Мы с девочками на него посмотрим и все тебе скажем.

– Угу, точно. Пара фраз от Жени, и я больше никогда его

не увижу.

– Ты переоцениваешь Точку.

– Самое главное, чтобы я ее не недооценила.

Дорога до школы показалась мне всеми кругами ада. Ноги разъезжались на льду, подворачивались, и я очень боялась сломать лодыжку. Ведь тогда я не смогу тренироваться, да что там говорить! Я вообще не смогу ходить! Варька жаловалась на маму. Они опять поругались из-за какой-то юбки, которую ей якобы не разрешили надеть. Варвара мечтала уйти из дома, но пока не понимала куда, «хоть к папе едь, если бы только он мне обрадовался». Папа у Андреевой где-то осел на Севере, ну и, в общем, сложные у них отношения в семье. Не то что у нас. Мне бы вот только от братцев своих избавиться…

– Смотрите-ка! – раздался звонкий голос Лепры. И я от неожиданности аж подпрыгнула. – Наша цапля с коробчонком скачет.

– Красавина, тебе чего надо? – вскипела во мне кровь.

Не будь я на каблуках и в юбке, обязательно бы ее шуганула. Лепра у нас королева красоты. Она такая холеная, словно породистая лошадь, вся из себя в дорогой сбруе. Иногда так по коридору вышагивает, словно по подиуму идет перед всеми модельерами мира. Она такая складная… Все при ней. Только вот язык поганый.

– Яр, не надо. У тебя сейчас позиция неустойчивая, – прошептала Варя.

– Да я ей сейчас покажу, кто из нас неустойчивее.

– Яр, – дернула меня за руку Варя, – пошли отсюда.

Щеки мои полыхали огнем.

– Я всегда так буду ходить, – повторила я упрямо.

Варя промолчала.

– Меня не сломить. Она вздохнула.

– Я все равно докажу свое право быть красивой.

– Самое главное, чтобы ты сама себе нра вилась.

– А я нравлюсь.

– И это отлично. Но все равно в плане макияжа надо с Настей посоветоваться. Она тогда тебя накрасила не так вызывающе. И это… Ярик… – Варька посмотрела на меня жалобно-жалобно. – Ярик, тебе очень идут волосы.

Пришло мое время вздыхать. Если бы ты знала, Варечка, что не получается у меня волосы укладывать.

Мы поднялись в кабинет и заняли свои места. Я вытянула уставшие с непривычки ноги и спряталась за наушниками.

Перед самым звонком прибежали Настя и Точка.

– Ой, Птица, ты брови, что ли, выщипала? – бросила на ходу Женька.

– Кто тебя учил так губы красить? – подавилась Настя.

– Я так буду ходить всегда, – строго сказала я, прекращая всю их болтовню.

– Креативно, – фыркнула Волоточина.

– Смело, – уважительно протянула Настя.

Наверное, декабристы на выселках чувствовали себя го-

раздо лучше, чем я в школе. Не, ну там мужики, черные избы с мочевым пузырем вместо окна и они – вся из себя такая интеллигенция. Вот и я была сейчас тоже убогой, безрукой интеллигенцией, которая наивно полагала, что кефир сразу в пакетах на деревьях растет. Неприспособленная я к жизни в теле женщины. Ну, то есть не конкретно в теле женщины, а в ее примочках – шпильках, макияже, прическе, одежде. Это так утомительно и совершенно не по мне. А самое ужасное – ни тебе щеку почесать, ни глаза потереть, ни в руку подбородком упереться. Но ладони так и тянулись, так и тянулись к лицу: то глаз предательски зудел, то нос чесался, то еще чего-нибудь. И как Настя ходит целый день накрашенная? Я уже к обеду всю свою красоту рукавами растерла. Зато одноклассники отрывались – шушукались и по смеивались. Учителя сначала шарахались, потом все как один спрашивали, хорошо ли я себя чув ствую. Я криво улыбалась и говорила, что теперь так буду ходить всегда. Они усмехались, но ничего не говорили. Точка утверждала, что у меня такой решительный вид, что даже Монсеррат Кабанье, наша директриса, должна была согласиться с моим решением. Только Пушок… Грымза! Физичка выгнала меня с урока со словами, чтоб я «умылась, а то такой слой косметики может по вредить моим мозговым импульсам». Забила я на импульсы. Сорок пять минут курсировала по коридору – училась ходить ровно, держать осанку и смотреть на всех так, словно я богиня. Если бы только окружающие знали, как плохо

чувствовала себя богиня на каблуках, как болели ее ножки и как нервировала юбка. Вот даже в футбол на перемене не погоняешь с друзьями, пиная чужую сумку, эх… Ладно, до конца всего два урока, уж как-нибудь переживу. Мне бы день простоять да ночь продержаться…

– Яра, привет! – раздался в трубке радостный голос Ахмеда на последней перемене, когда мои несчастные конечности окончательно опухли от мозолей в неудобной обуви, а подошва покрылась кровавыми волдырями.

– Привет, – расцвела я в улыбке.

– Можешь спуститься вниз, у меня для тебя подарок.

– Какой?

– Увидишь.

Я тяжело вздохнула и похромала на первый этаж. Спускаться вниз в сто раз хуже, чем подниматься. Где вы, мои кроссовочки? Где вы, мои милые?

Лицо Ахмеда надо было видеть. Оно вытянулось, глаза расширились, а рот приоткрылся. Потом он причудливо изогнул брови.

– Я так буду ходить всегда, – спокойно и твердо сообщила я ему.

– По-моему, несколько ярко, нет? – проблеял он, внимательно осматривая меня с ног до головы.

– В самый раз. Ты против?

– Вовсе нет, – замахал он руками, пятясь назад. – Но…

– И никаких но!

– Диск, – суетливо протянул он мне пластиковую коробочку.

– Мияви! Родной! – Чуть не скончалась я от счастья.

Потом покосилась на окна нашего класса и решила, что не буду его целовать. А то помада на щеке останется.

– До вечера, – осторожно и мягко пожал он мою руку.

– Да, звони, – улыбнулась я, прижимая диск к груди. Настоящий, из Японии, как у них! Боже-боже-боже! Хотелось взвизгнуть от счастья.

Ахмед не удержался, хихикнул, рассматривая меня, а потом быстро пошел к машине. Опять с родителями куда-то ездил. Я поежилась под колючими порывами ветра. Надо идти в школу, а так не хочется.

Сказать честно, до дома я еле доковыляла. Девчонки то шли быстро, то еле ползли. У меня горели ступни и мучительно хотелось разуться. Я ползла за ними, проклиная ту минуту, когда согласилась пойти до дома пешком. Вроде бы идти всего несколько остановок, но уж лучше бы я поехала на маршрутке. Диск Мияви был надежно спрятан в сумке, и мне не терпелось услышать японские страдания. Почему-то под Мияви мне удобнее всего тренироваться. Как-то вот настраивает он меня. Мои ноги… Кто придумал шпильки? Какой садист? Мои ноженьки…

– Девчонки, может, в «Слона»? – Глаза Вари горели огнем, а на щеках выступил румянец.

Ну точно, Поэт туда притащится. Опять будет институт

прогуливать.

– Не, я пас. У меня это… – Я показала сапоги.

– Птица, может, мне тебе несколько мастер-классов провести по хождению на каблуках и макияжу? – любезно предложила Настя.

– Не сегодня, – вздохнула я, думая о том, что мне еще гулять с собаками.

Пойти в сапогах или все-таки влезть в кроссовки?

– Ничего, привыкнешь, – подбодрила меня Козарева.

Я кисло улыбнулась. Дайте сесть куда-нибудь. Возьмите меня на ручки. Я вам все прощу, только, пожалуйста, избавьте меня от этих мучений.

– Не кисни, Птица. Ты же хотела быть женщиной? Теперь вот мучайся, – улыбалась с издевкой Женька.

Добрые у меня подруги, ничего не скажешь. Только как быть и что делать? Я должна стать красивой. И к завтрашнему дню я обязана научиться ходить на шпильках.

– Настя, а как ты ходишь на каблуках? – вымученно выдала я.

– Птичечка, тут самое главное – удобная колодка и комфортная высота. Потом можешь поднимать ее. Я вот так привыкла к каблукам, что даже дома бегаю в тапочках на танкетке.

– Ыыы, – простонала я. – Мне нужны другие сапоги. Эти жмут.

– Вот поэтому ты и ходить не можешь, – авторитетно за-

явила Настасья.

– Так вы идете в «Слона» или нет? – топнула ногой Варя.

Я закачала головой.

– А мы с радостью, да, Жень, – подхватила Настя Точку под ручку. Женька состроила недовольную мину, но отказываться не стала.

– Пошла я, – махнула я подругам.

– Ты аккуратнее. А то хорошо, если только ногу сломаешь, – порадовала меня Варя.

– Да-да, – поддакнула Настька. – На каблуках можно и голову разбить при падении…

– Ой, молчите все. Мне и так уже плохо, – торопливо засеменила я прочь.

Мучительно хотелось расстегнуть сапоги и пойти домой босиком. Плевать, что грязь, лужи, лед и реагенты, плевать, что промокну, плевать, что замерзну, главное, что больше не будет так больно.

Дома я обследовала площадь повреждения. Из-за слишком узкого голенища ноги немного отекли. Хуже было со ступнями – в районе больших пальцев образовались плотные мозоли, и ходить было больно даже по полу босиком. Я дохромала до ванной и залегла в горячую воду в надежде, что кожа распарится и натоптыши пройдут сами собой. Как бы не так! Легче не стало. У мамы никакой косметики для ног не нашлось. Не помогло и лежание на кровати с задранными вверх конечностями. Мне реально было больно ходить. И как

я такая хромая пойду завтра на свидание? Ох, еще же вечером гулять с собаками… Можно, я спрячусь за плинтусом?

Глава 4

Ты что, туфли с собой возьмешь? И носки сними!

Утро я опять провела перед зеркалом. В два часа дня начинался матч. Я позвонила Матвею, тот велел приходить и найти Оливку или Лапу. Зачем мне нужны эти девушки – не объяснил. Может быть, у них есть какие-нибудь билеты? Непонятно, если честно. И вот… Юбка, блузка, колготы и сапоги, макияж и прическа… Я больше не Ярик и не Птица… Я – Ярослава. Умница и красавица. Только ступни все равно от этого болеть меньше не стали.

– Мам, эта куртка не подходит под мой новый имидж, – вышагивала я по квартире со своей любимой курточкой в обнимку. Она была такая удобная, такая славная, я так ее любила.

– Яся, чем я могу помочь? – вышла с кухни мама. – Я не могу покупать тебе каждую неделю новую куртку.

– Да, но я же не знала, что все так получится! – возразила я.

– Отлично! То есть если ты в следующий раз влюбишься в мотоциклиста, то мне тебе надо будет купить защиту и мотоцикл? – возмущенно потрясла мама половником.

– Ну, Женьке же обещали купить весной! – не сдавалась

я. – А я хочу быть человеком! Меня ребята стесняются.

– Что-то я не заметила, чтобы тебя Ахмед стеснялся. И вообще у них так не принято ходить.

– Это все у тебя, мамочка, стереотипы. И с чего ты решила, что я пойду на свидание с Ахмедом?

Мама смешно округлила глаза.

– А с кем и куда ты идешь? – осторожно спросила она.

– На хоккей, – ничуть не соврала я.

– С кем?

– С Лапой и Оливкой.

Надо же, как мне пригодились новые подруги!

Мама только вздохнула. И ушла обратно варить суп.

Я вернулась к шкафу. Вещей так много, что непонятно, как они вообще сюда все влезли. Н-да, моя любимая куртка больше не подходит под мой новый образ, а другой у меня нет. Самый страшный зверь «нечего надеть», живущий у Насти, видимо, переехал жить ко мне. Как же выкрутиться?

– Яся, – крикнула из кухни мама, – можешь взять мое пальто.

Ура! То, что доктор прописал. И я унеслась в родительскую спальню.

Сегодняшний поход на каблуках мало отличался от вчерашнего, кроме того что рядом не было надежного локтя Вари. Я сильно волновалась, потому что настолько красивой Матвей меня еще не видел. Как он отреагирует? Что скажет? Надо ему понравиться. Я аккуратно ступала по обледенело-

му асфальту, мысленно молясь, чтобы не рухнуть в лужу. Ноги скользили. Если я и дальше буду идти с такой скоростью, то никогда в жизни не попаду на хоккей. Как же удобно в кроссовках! Бежишь, ни о чем не думаешь.

В метро каблук провалился в решетку, и я чуть не осталась без ноги – мне показалось, будто ступню оторвало. Я не могла думать ни о чем другом – только о собственной походке и внешнем виде, который доставлял мне великий дискомфорт. Хотелось плакать. Хотелось вернуться домой и переобуться. Мои любимые багги сиротливо лежали в кресле. Моя теплая толстовочка валялась там же. Мои кроссовочки стояли на батарее, а я, как раненый красноармеец, как убитый самурай, как истерзанный бледнолицыми индеец, как несчастный беглый раб, куда-то крадусь в этих орудиях пыток. Но я смогу, я сильная. Настя же как-то ходит на каблуках. Впрочем, по-моему, Козарева родилась на шпильках.

К «Луже» стекался народ. Преимущественно мужчины. В редких случаях девушки. Я чувствовала себя отвратительно. Здесь не было моих парней, с которыми мы бегали на матчи, не с кем было обсудить ход игры, да, по большому счету, я и в игре не сильно понимала. Я пританцовывала от холода у центрального подъезда, наблюдая, как группы мужчин проходят в помещение. Девушки есть, но очень мало. Ни Оливки, ни Лапы я не заметила. Билета на матч у меня тоже не было. От этого становилось тоскливо и грустно. Матвей меня обманул? Он не ждет? Почему-то было очень обидно, что

я вот так вся нафуфырилась, напихтерилась, как последняя дура, шпильки напялила, ноги болят, голова замерзла, а он… Я от расстройства аж всхлипнула. И Ахмеду ведь не позвонить, потому что он на своей конференции какой-то заумный доклад читает. Вот что мне делать? У меня два парня, и ни один меня не любит. Да и я не очень понимаю, кого из них люблю, а кого нет. Сложная у меня жизнь, врагу такую не пожелаю. Неожиданно телефон в кармане завибрировал. Матвей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.